

Исторические и социальные взгляды Ивана Ефремова

Эммануил Менделевич

Исторические и социальные взгляды Ивана Ефремова

Творчество Ивана Ефремова пользуется большой популярностью у советских читателей - настолько большой, что его взгляды оказали влияние на множество людей, так что эти взгляды стали социальным явлением. Бурная, почти единодушная поддержка критики тоже сыграла свою роль. Миллионные тиражи изданий обеспечили лёгкий доступ к идеям Ефремова, способствовали их популяризации. Каковы же эти взгляды? Каково их отношение к действительности? Какова их социальная роль? Вот вопросы, на которые я хочу ответить.

В основе творчества Ефремова лежат размышления о прошлом, об истории, и на этой основе - размышления о будущем. Причём, поскольку Ефремов пишет в жанре научной фантастики, наше будущее предстаёт в наших книгах прошлым, то есть опять-таки объектом истории. При таком подходе оказывается удобно увязать в единую цепь и прошлое, и предполагаемое будущее, ибо они связаны едиными законами. Эти законы (как их понимает автор) являются чуть ли не важнейшими героями книг Ефремова.

Персонажи Ефремова непрерывно соприкасаются с историей, познают её и творят её, всё время помня о прошлом. Люди будущего говорят: "Вершина, куда сходятся в фокусе все системы познания, у нас - история". Отсюда ясно: чтобы понять Ефремова, надо прежде всего уяснить, как он понимает историю (и шире - путь развития человечества).

Эти взгляды писатель выразил прежде всего в двух книгах: "Туманность Андромеды" и "Час Быка". Но оба романа никак нельзя рассматривать одновременно - выражением слишком разных идей они являются. Поэтому начнём с "Туманности Андромеды" (1957). Суть взглядов автора изложена в оригинальной периодизации истории, подробно излагаемой историком (!) Ведой Конг.

Всю реально существующую историю Ефремов объединяет под названием ЭРМ Эра Разобщённого Мира. Она состоит из: Античных Веков, Тёмных Веков, Веков Капитализма и некоего Века Расщепления. Названия весьма прозрачны и в пояснениях не нуждаются. А вот вопросов они порождают много. Как может быть, чтобы из рассмотрения истории выпало первобытное общество? Вряд ли надо доказывать, что доклассовое общество вовсе не есть только прелюдия к истории. Льюис Морган и Энгельс доказали это ещё сто лет назад. Не менее ошибочна замена Древнего мира "Античными Веками". Столь же ясно, что термин "античность" не вполне совпадает с термином "древность". По Ефремову, за Тёмными Веками (то есть средневековьем) следуют Века Капитализма. Это тоже странно. Конец средневековья вовсе не связан с концом феодализма и появлением капитализма, Кроме того, средние века не были "тёмными" - от этого упрощения наука давно уже отказалась. Эта периодизация одновременно и пренебрегает марксистской социологией, и утрирует её. Крайности сходятся.

Последним веком ЭРМ был "Век Расщепления" - нетрудно догадаться, что имеется в виду современный нам мир. С первого взгляда может показаться, что речь идёт о разделении мира на две системы, так что началом должен быть 1917 год. Но ничего подобного! В Век Расщепления "люди поняли, что все их бедствия происходят от стихийно сложившегося общества". Тогда же мир раскололся на два лагеря, так что тот век начался задолго до Октябрьской революции, которая у Ефремова вообще не упомянута. Что это? Пренебрежение к революции? Но тогда Ефремову пришлось бы отрицать и "раскол на два лагеря". Но Ефремов ничего подобного ведь не делает. Более того, он, забывший о семнадцатом годе, пишет: "Кое-где случались восстания, поднимавшиеся отсталыми приверженцами старого". Роман вышел в свет в 1957 г., так что ясно: речь идёт о восстаниях в Венгрии и Польше в 1956 г. Политическая злободневность налицо, неужели же Октябрьская революция менее актуальна? Но всё это не случайность и не ошибка: Ефремов точно отразил некоторые процессы в общественном сознании: к середине 50-х годов трескучие фразы уже набили оскомину, и Ефремов не мог выражаться подобным образом, не рискуя оттолкнуть читателя. Это соответствие романа умонастроениям современников - одна из важнейших черт творчества Ефремова.

Весьма любопытна ефремовская концепция будущей, то есть коммунистической истории. Последняя открывается ЭМВ - Эрой Мирового Воссоединения, в которую ликвидируется

политическая жизнь, образуется общий язык и достигается победа в "борьбе за энергию", иными словами осуществляется всё то, что мы традиционно связываем с понятием "коммунизм". Это, бесспорно, и есть коммунизм, но Ефремов подчёркивает, что даже и это всё ещё не то, что нужно людям. Начинается подлинная история лишь в ЭОТ Эру Общего Труда. Ефремов показывает коммунизм не как идеальное состояние общества, а как процесс - и это бесспорное его достижение. Казалось бы, на этом можно и закончить, но Ефремов продолжает историю и дальше - начинается ЭВК - Эра Великого Кольца, объединение людей разных планет.

Вот этим и поразил Ефремов читателей - способностью сказать новое об уже привычном. И это было ответом на запросы времени. В гнетущей атмосфере, установившейся в послевоенные годы, идеи выхолостились, превратились в пустые фразы. Ефремов не внёс в них ничего нового, но изложил их в приемлемой форме. Люди были изумлены, что приевшиеся слова можно произносить, веря в них. Вера в будущее, вера, что история не застыла, - вот чем привлёк читателей роман Ефремова.

Такова в общих чертах концепция истории в "Туманности Андромеды". Во всём остальном Ефремов прочно остаётся в традициях только что миновавшего времени - самого мрачного в советской истории. Главными его чертами в духовной области были национализм с явным расистским оттенком и процветание лженаук, прежде всего в области биологии, но также и в других областях, не говоря уже об общественных науках. Все эти черты не только существуют у Ефремова, но ещё и подчёркнуты.

Судя по всему, в ефремовском мире давно существует единый для всей планеты язык: надпись на одном из памятников сделана на "земном языке", так что национальных различий нет. Но все главные герои романа чётко различены по национальностям уже своими именами: Дар Ветер, Кам Акат и Чара Нанди, Ляо Лян, Миико Эйгоро, Мвен Мас. О каждом из них ещё и обязательно сообщается их "происхождение". Дар Ветер спрашивает о Ляо Ляне: "Он китаец по происхождению?". Кам Акат - "индеец по происхождению" и др. О другой героине: "Дар Ветер помнил, что свою родословную Звезда Налъ вела от перуанцев или чилийцев. Он приветствовал её по обычаю древних южноамериканских солнцепоклонников". Обращает на себя внимание неумение отличить перуанцев (как Мвен Мас - просто "африканец") от чилийцев, но неужели не ясно, что разделение на перуанцев и чилийцев вообще лишается смысла, если речь идёт о доиспанской Америке.

На столь же неглубоком уровне и всё остальное. Дар Ветер узнает в Ляо Ляне китайца по раскосым глазам, так же описывается японка Миико. Весь этот примитив существует лишь для того, чтобы подчеркнуть особую роль русского народа, не случайно главный герой - именно русский: "Дар Ветер с волнением всматривался в лица скульптур этого памятника. Он знал, что люди, построившие первые искусственные спутники... были русскими, то есть тем самым удивительным народом, от которого вёл свою родословную Дар Ветер". Слово "советский" у Ефремова отсутствует - оно прозвучало бы здесь диссонансом, "пошлостью".

Аналогичные идеи Ефремов высказывал и ранее, когда они были официозными, причём даже более открыто, чем того требовало ждановское время. Таков рассказ "Последний марсель" (1944). Литературно очень слабый, он сводится к тому, что англичане признают лучшими в мире мореходами именно русских, но мореходство, подчёркивает Ефремов, - это лишь частный случай. Дальнейшее стоит цитаты - это настоящий манифест шовинизма: "Мне кажется, тут дело в особых свойствах русского народа... Этот выносливый народ получил от судьбы награду - способности, сила которых, мне кажется, в том, что русские всегда стремятся найти корень вещей, добраться до основных причин всякого явления. Можно сказать, что они видят природу глубже нас". Весь рассказ только ради этой тирады и написан.

Во время войны одна из главных тем возглавлявшейся Щербаковым пропаганды состояла в том, чтобы подчёркивать превосходство русского народа (неважно над кем - над всеми врагами), причём никаких намёков на революцию, на советскую власть, её влияние на людей - ничего этого не было. Ефремов точно следует этим правилам, его оригинальность - только в обработке правил.

После войны этот национализм приобрёл новое направление: проповедовалось презрение

ко всему западному, это называлось борьбой с "низкопоклонством". Ефремов откликнулся и на это - рассказ "Афанеор, дочь Ахархеллена" (1960), где говорится о молодом туареге, который мечтает поехать в Россию, наслышавшись легенд с том, какие удивительные люди там живут. Колонизатор-француз изумлён: кто распропагандировал полуграмотного туарега? Другой возражает: "...как вы можете верить в сказки для новобранцев и фашиствующих юнцов?". Как ни странно, но, по Ефремову, прав второй, тот, что отрицает влияние России! Побывав в Ленинграде, туарег понимает, что существует духовная близость русских и туарегов, определяемая равной непригодностью их стран для жизни (стужа в России, жара - в Сахаре). Мало того, туареги и русские - родственны друг другу. Вот в чём дело! Это был голос крови! Так шовинизм переходит в расизм.

На фоне этого понятно, почему все главные герои "Туманности Андромеды" даны по-расистски. Но обратите внимание - в книге нет ни одного из западноевропейских народов. Почему?

В уже цитированном "историческом экскурсе" (вторая глава романа) говорится, что "открытие новых видов атомной энергии и упорство защитников старого мира едва не привело всё человечество к страшной катастрофе". Итак, в ефремовском мире атомной войны не было. Однако упоминается некая "Аризонская радиоактивная пустыня". Не надо обладать богатой фантазией, чтобы представить, в результате ЧЕГО Аризона стала радиоактивной, В конце романа описывается, как археологи раскапывают хранилище знаний - "Убежище культуры", созданное в конце ЭРМ. Надпись на нём сделана по-английски. Одна из героинь заявляет: "Я ненавижу эту цивилизацию". Такого даже в разгар ждановщины слышать не приходилось! Вот почему в романе нет западноевропейцев - их гнусная цивилизация погибла, не дав потомства. Ефремов может представить себе Россию вне "западной" цивилизации! Вот куда ведёт ждановщина! Ну а для чего американские империалисты сооружали "убежище культуры" - вполне понятно.

Расизм Ефремова - не всегда ждановского толка, он ещё и органически присущ ему. "Красота тела - лучшее выражение расы", - восклицает некий художник. Это уже ноты совсем знакомые! Помним мы одного неудавшегося художника, который любил бросать в толпу подобные фразы! Я не утрирую. Веда Конг говорит: "Неужели вы, северный человек, отступите?". Переведите слова "северный" на соответствующий язык...

Непреложные законы человеческой психологии требуют, чтобы человек, согрешивший расизмом, согрешил равно и против нравственности. И это понятно: нравственный человек не может впасть в расизм. Каков же нравственный уровень ефремовского мира?

Читатели не раз обращали внимание на антигуманный смысл "Острова забвения", но я хочу добавить к этому ещё одно: назван Адамов мост и Палкский (очевидно - Полкский) пролив. Итак, это Шри Ланка. Почему? А без объяснений - так, и всё. А как же сингалы и тамилы? Но Ефремова это не интересует. Описывая остров, автор не может удержаться от типичного расистского выпада: "громадная гора с нелепо длинным названием на языке народа, в древности (!) населявшего остров". Ясно, что это - Пидуруталагала, находящаяся "в центре острова" (там же). Это уже голос обывателя, считающего иностранные названия непроизносимыми.

Есть ещё одна резервация, для ещё одной категории изгоев - это Ява, "Остров Матерей". Матерей в будущем нет, а социально отсталые женщины, "все, кто хочет воспитывать своего ребёнка", удаляются на этот остров. На остальной планете уже почти решена "одна из важнейших задач человечества победа над слепым материнским инстинктом". В мире Ефремова материнской любви нет (там же), а рождение детей совершается не в результате каких-то душевных и телесных порывов, а под влиянием осознанного долга перед обществом. Я не смеюсь, честное слово! Эвда Наль заявляет: "Я выполнила долг женщины с нормальным развитием и нормальной наследственностью - два ребёнка - не меньше".

В ходе космической экспедиции инопланетное чудовище поражает Низу Крит так, что сомнительно, выживет ли девушка, которую любит командир звездолёта Эрг Ноор. И вот врач (!) предлагает командиру "воздействовать на те мозговые центры, которые ведают сильными переживаниями", то есть ударить по мозгам и вышибить из них любовь, чтобы та не мешала. Очевидно, в ефремовском мире это не противоречит медицинской этике. После этого неудивительно, что существует "лёгкая смерть". А ведь эвтаназия и в самом деле применялась в

недавнем прошлом - и вы знаете, в какой стране и при каком режиме...

Аморализм всегда в конечном счёте примитивен - это закон. Один из героев восклицает: "Рен Боза надо спасти во что бы то ни стало! Это величайший учёный!". Всё последовательно: менее нужные получают эвтаназию - и никаких проблем!

Для более полной характеристики социальных идей Ефремова надо добавить, что биологию он понимает ортодоксально-лысенковским образом. Предки Миико были ныряльщиками за жемчугом, и их искусство случайно проявилось у неё. Кажется, Ефремов в самом деле верит, что потомки цирковой лошади рождаются со способностью танцевать вальс. Здесь нет идей: писатель просто следует официальной "науке", перелагает её в "художественные образы".

Однако вернёмся к истории, о ней герои Ефремова говорят непрерывно, и что же говорят? Мвен Мас говорит, что читал старинный роман, где описывалось нашествие на предков Дар Ветра (то есть русских) "какого-то великого завоевателя - свирепого истребителя людей, живущего в Азии". Хороши же наши потомки, ничего не знающие о татаро-монголах! В другом месте читаем, как археологи нашли в скифском кургане рядом со скелетом старика-вождя скелет юной женщины. находка вполне обычная, но среди людей будущего разгорелась дискуссия: "по доброй воле или насильно пошла женщина за своим мужем?". Чуть ниже герои рассуждают об изоляции, в которой находились Египет, Ассирия, Вавилония. Критиковать не будем...

Сделаем первые выводы. "Туманность Андромеды" - это остроумная попытка придать самым обывательским взглядам сталинской эпохи форму, соответствующую XX съезду КПСС. В эти годы стала очевидной необходимость отказа от ждановских канонов в искусстве и общественных науках. В то же время подлинно новых идей не было выдвинуто, способ социального и духовного обновления не был найден. Это отчётливо проявилось чуть позже в двух наиболее приметных явлениях: нарастающем культе личности Хрущёва и в захлестнувшей страну волне национального самодовольства, связанного с первыми космическими полётами. Потребность в новом достигла размеров голода. Для массовой аудитории, особенно молодёжной, этот вакуум и заполнил Ефремов. Влил старое в новые мехи, и вкус был до того знаком, что мало кто заметил, что вино-то прокислое.

Впоследствии Ефремов не раз возвращался к тому жанру, который он для себя открыл "Туманностью Андромеды". Центральный эпизод повести "Сердце Змеи" - встреча земного звездолёта с кораблём иной цивилизации, развивавшейся иначе, чем земная (например, роль кислорода у них играет фтор), но имеет те же формы, что и у нас. Смысл повести - в обосновании такого сходства, что выявляется в ходе длинной беседы, которую ведут земляне на борту корабля. В "Сердце Змеи" ещё более отчётлив тот принцип, что был у автора и раньше: сюжет, герои, их диалоги - это лишь форма, в которой он излагает свои идеи, причём не составляет труда выделить это "содержание" из "формы". Повесть завершается совершенно комической сценой: биолог звездолёта без слов (язык фторных людей земляне знать не могут), одним-единственным рисунком объясняет фторянам программу действий их человечества на много поколений вперёд. Действительно, все эти идеи можно изложить в две минуты на клочке бумаги.

Скажем точнее: идеи Ефремова ничего нового в себе не содержат. То же самое мы найдём уже в первом русском фантастическом романе - "Красной Звезде" Богданова (1908). Богданов описывает своих марсиан очень похожими на людей Земли, ибо "число возможных высших типов, выражающих возможную полноту жизни, не так велико". Это то же самое, что пишет Ефремов: "только низшие формы жизни разнообразны; чем выше, тем они более похожи друг на друга". В языке Богданова только слышны ноты эмпириомонизма. Богдановские марсиане точно так же отрицают воспитание детей в семье, применяют эвтаназию. Так что богдановский "коммунизм" неотличим от ефремовского. Последнее нуждается в уточнении: у Богданова много глубоких, пророческих мыслей, но Ефремов обнаруживает параллели только с самым банальным. Даже сам герой Богданова, землянин, попавший на Марс, говорит, что "мысль об ограниченном числе высших типов" приходила ему в голову ещё в университете. В 1965 г. в "Огоньке" появился рассказ "Пять картин" (первоначальное название - "Космос, космос..."). Он малоизвестен, но для нашей темы имеет большое значение. Судя по терминам и именам, действие его одновременно "Туманности Андромеды". Сюжет таков: специалисты по истории искусств ищут, были ли в прошлом художники, посвятившие своё творчество космосу.

Наконец, в микрофильмах старых альбомов они нашли требуемое. Имя его Ефремов не называет, предпочитая намекать, но столь прозрачно, что о намёке не может быть и речи: "Эксперты разошлись во мнениях относительно его имени. Некоторые думали, что это был "сокол" - русское название хищной птицы". Другие считали, что корень имени - "сок". Ясно, что речь идёт об известном советском художнике Андрее Соколове. На основе дальнейшего изложения можно даже примерно назвать эти пять картин: "Синее утро", "Красный вечер", "Электронный мозг", "К недрам Сатурна" и "Спуск". Но суть не в этом. Ситуация то ли комична, то ли трагична: люди будущего настолько забыли русский язык, что не могут понять такую обычную фамилию, как "Соколов"! Право же, мы мёртвые языки знаем лучше! Мне что-то не хочется в это одичавшее будущее...

Что за странное занятие - "разгадывать" фамилию? Вы всегда знаете, что значат иностранные фамилии? Ну и что из того? Но у Ефремова эта противоестественность - литературный приём (?!). Художнику "дали нежное прозвище СОКОЛ РУССКИЙ". Смысла в этой фразе нет (зачем прозвище?), но направленность её понятна: всё то же противопоставление всего русского всему иностранному. Ради этого и написан весь рассказ, а не только ради популяризации картин Соколова (тогда ещё в этом нуждавшегося, хотя, впрочем, без особого примечания читатель и не догадался бы, что речь идёт о реальном человеке). Это тот же "Последний марсель", только на лад 60-х годов, космической эры. Можно лишь подивиться писателю, который не скрываясь повторяет сам себя, подделываясь только под внешние формы эпохи. Как обычно, национализм ведёт к бессмыслице: далее в рассказе герои восхищаются гениальностью художника, "который никогда не был на других планетах и мог написать на картине то, что люди увидели лишь сотни лет спустя". Каких бы похвал не заслуживал талант Андрея Соколова, но ЭТА похвала может быть воздана лишь сотни лет спустя, не ранее. Вероятно, Соколову не нужен культ его личности. И тогда единственным содержанием рассказа становится не творчество художника, а его национальность. И это литература мечты?

Четвёртым произведением на тему будущего стал роман "Час Быка" (1969), непосредственно примыкающий к "Туманности Андромеды". Но действие его происходит много позже, и это позволяет автору продолжить и развить идеи первой книги.

Верный своему принципу показывать коммунизм как необъятное поле исторического действия, Ефремов идёт дальше, чем в первом романе. Там история завершалась Эрой Великого Кольца, дающего возможность общения разных человечеств. Теперь наступила Эра Встретившихся Рук, когда осуществилась идея путешествия к отдалённым галактикам. В привязывании исторического периода к техническому новшеству вновь появляется отмеченный выше упрощённо-социологический подход автора к истории.

Перечисляя различные эры, героиня пропускает именно ЭВК, которая, впрочем, упомянута в другом месте. Досадная небрежность? Не только. В романе не раз упоминается "пятый период ЭРМ", но в "Туманности Андромеды" их упомянуто только четыре. Может быть, Ефремов счёл нужным добавить первобытное общество? Об этом читатель может лишь догадываться. Во всяком случае Век Расщепления, в первом романе означавший нашу эпоху, здесь исчез и заменён туманным "пятым периодом". Но этого мало. Тёмные Века вообще отделяются от ЭРМ, они предшествуют непонятной и неуместной Эре Смешения Формаций. Если в первом романе история человечества была понятна и логична, то здесь - противоречащие друг другу фразы.

Ефремов пошёл ещё дальше и дал "хронологию будущего" с точностью до года. Ведётся она по древневосточному циклическому календарю, в котором "каждый круг соответствует средней продолжительности человеческой жизни". Ясно, что речь идёт о китайско-тибетском шестидесятилетнем цикле ("круге", как говорит Ефремов). По этой хронологии Тёмные Века приходятся между пятым и тринадцатым кругами, а ЭРМ началась в пятнадцатом и кончилась в чёрном цикле семнадцатого круга. Вопрос только в точке отсчёта. Китайская традиция считает циклы от 2637 года до н.э., так что этот вариант отпадает. Тибетская традиция начинает счёт с 1027 года. Поскольку, согласно Ефремову, хронология составлялась в Каракоруме, то этот способ приемлем, он близок к современности и хронологически. Надо лишь учесть, что, хотя названия годов в китайском и тибетском циклах совпадают, начало цикла разнится на три года: первый год тибетского цикла (заяц и огонь) считается в китайском цикле четвёртым.

Итак, Тёмные Века начались около 1327 и закончились около 1747 года. Но ведь Тёмные Века - это феодализм. Что значат эти даты? Тогда ЭРМ началась в конце XIX века, а кончилась в начале XXI века. Нет сомнений, что всё это лишь набор слов. Скажут, что не надо придирается к мелочам. Но зачем бросаться словами? Я привык слышать, что мне говорят, и понимать услышанное. Кстати, действие романа происходит в "год синей лошади пятьдесят первого круга", то есть в 4055 году н.э. Но это уж и в самом деле неважно.

Гораздо важнее, что никаких "синих" и "чёрных" циклов в дальневосточном календаре нет. Пять цветов, соответствующих пяти стихиям и пяти планетам, меняются каждые два года и повторяются через десять лет. Ефремов попросту плохо знал эту систему. Здесь надо остановиться. Наши современники знают, что в последние годы стало модным поговорить о годе быка, тигра или зайца. Знать при этом подробности (то есть разбираться в сути дела) не принято. Это поветрие возникло в определённых кругах интеллигенции в конце 60-х годов. Ефремов и это обывательское мнение вложил в свой роман. Мелькание "таинственных" восточных названий создаёт у читателя сумеречное состояние сознания, и кое-кому это доставляет удовольствие...

К концу 60-х годов обстановка в стране в корне изменилась. В результате в общественном сознании стал распространяться пессимизм. Та надежда на будущее, которой отличается середина 50-х, угасла. Ефремов точно воспроизвёл и эту новую ноту, но таким образом, чтобы она не вступала в противоречие с тем, чему нельзя было противоречить. "Час Быка" построен как памфлет против маоизма, конфликт с которым стал в те годы главной проблемой советской внешней политики. Против этого нельзя было бы возразить, если бы Ефремов не воспроизвёл бы заново все свои отрицательные черты. Главная из них - расизм, пронизывающий всю книгу.

Жители несчастной планеты Торманс - монголоиды, что выражено всё той же банальностью - узкими и длинными глазами. Язык тормансиан - тоновой (намёк на китайский), причём один из героев считает, что эти "завывания, вопли и мяуканье" означают возвращение к обезьяне. Земное произношение наоборот отличается "чётким и чистым выговором". Откуда Ефремов взял, что китайский язык нечёток и неясен? Но этого мало. Язык тормансиан похож ещё и на английский, который, видимо, тоже нечист. Письменность у них идеографическая (ясное дело - китайцы!), она очень красива, но способствует отставанию мышления, так что китайцы, оказывается, обречены быть дикарями, им не понять сложностей меняющегося мира. Уже из "Сердца Змеи" читатель мог узнать, что английский язык даже при капитализме был архаическим пережитком, но там эта мысль была лишь намёком.

Таковы, по Ефремову, корни социальной трагедии, присущей капитализму и "лжесоциализму". Никакого более глубокого анализа он и не пытается сделать. Можно возразить, что анализ такой проблемы, как происхождение и сущность маоизма, не вместить в роман. Готов даже согласиться, но ведь Ефремов это делает. Так пусть либо делает, либо нет. Тем более, что в романе много места занимает "философская теория", долженствующая объяснить как законы истории, так и законы природы. Это "теория inferнальности", которую разработал в пятом периоде ЭРМ историк и философ Эрф Ром, живший три тысячи лет назад. Нетрудно видеть, что допущена ошибка в тысячу лет, но удивить это уже нас не может. Суть этой теории в том, что всякая несовершенная социальная система имеет тенденцию самоизолироваться, чтобы оградить себя от возможных контактов. Интересно, много ли существует совершенных социальных систем? Хотя бы одну Увидеть! Эта социология в одно действие не имеет никакого отношения к реальности: хорошо известно, что внутренние пороки режима в одних случаях приводили к самоизоляции, а в других - широко открывали двери страны (история Латинской Америки являет нам и то, и другое). Туманное выражение "несовершенная социальная система" позволяет доверчивому читателю избавиться себя от размышлений о сути этого "несовершенства", позволяет остаться на уровне смутного ощущения: вижу, что плохо, а что и почему неважно. Состояние самоизоляции именуется "инферно" - дантовским адом. Inferнальны также естественный отбор, психика человека и вообще вся "природная эволюция жизни". А что существует и "неприродная" эволюция жизни? Или психика человека изначально несовершенна? А как это относится к естественному отбору?

Нетрудно догадаться, что "Эрф Ром" - это анаграмма фамилии "Ефремов". Своей теории автор придаёт очень большое значение: "произведения Эрф Рома помогли построению нового мира на переходе к эре Мирового Воссоединения". Эрф Ром даже именуется "мудрецом". Нечасто можно

встретить такое самовосхваление!

Подходить всерьёз к этим "идеям" было бы поистине странно. Мы можем узнать от Ефремова, что гунны брали Рим, что знаменитые слова о "прыжке из царства необходимости в царство свободы" принадлежат Марксу. Неужто трудно было заглянуть в учебник Машкина или открыть двадцатый том сочинений Маркса и Энгельса?

Интересно, что Ефремов глубоко убеждён в неизбежности атомной войны (мы уже видели это): "Великое сражение Запада и Востока началось в год огненной курицы семнадцатого круга и продолжалось до года красного тигра". Итак, дата войны: 2017-2046 годы. Война была столь разрушительна, что исторические документы сохранились только в буддийском монастыре в Каракоруме, именно поэтому потомки и пользуются тибетской хронологией (сочинения Эрфа Рома, вероятно, тоже сохранили буддийские монахи). Это тягостное ожидание неизбежной войны хорошо воплощает тот социальный пессимизм, памятником которого стал "Час Быка".

Всеми читателями планета Торманс воспринималась отнюдь не как карикатура на маоистский Китай, многие этого и не заметили, зато все увидели в Тормансе образ хорошо знакомого мира. Ефремов придумал роману необходимый хэппи-энд: прилёт земной экспедиции показал тормансианам ужас их положения, и они сами "поднялись из инферно". Но этот конец ни художественно, ни даже сюжетно не оправдан. Никто из читателей его всерьёз и не принимал.

"Час Быка" был крахом тех иллюзий, которые пыталась воплотить "Туманность Андромеды". В принципе, это не может быть отрицательным явлением. Но Ефремов принял торможение общественного развития в конце 60-х годов за обязательный образец будущего. Он не был одинок - грех был всеобщим. Так что и в этом Ефремов не поднимается над средним уровнем массового сознания. В этом повторяющемся факте - социальная суть творчества Ефремова. Мы рассмотрели в общих чертах взгляды Ефремова, относящиеся к будущему. Но, поскольку у него будущее представлено исторически, надо рассмотреть и его собственно исторические взгляды. Начнём с очень популярного романа "Лезвие бритвы" (1963). Главная историческая тема в этом романе - тайны Индии и тайные знания древних. Опять проявляется та же черта: он берёт массовые мнения и строит на них книгу, которая, разумеется, привлекает непритязательного читателя. Суеверие о "тайных знаниях древних" всегда было популярно в Европе. В конце XIX века из него выросло одно из отвратительнейших явлений нашего времени - оккультизм. В советское время это суеверие сначала притаилось, а в 60-е годы вновь выплыло вместе с телепатией, телекинезом, летающими тарелками, бермудским треугольником и прочими темами обывательских разговоров. До сих пор в определённой среде передают из рук в руки книжку Горбовского "Четырнадцать тысячелетий назад", где собрана аналогичная чепуха, но на темы истории. Но Горбовский выступил после Ефремова! "Лезвие бритвы" было одним из факторов, подтолкнувших общественное сознание к тому взлёту мистики и слухов, который случился впервые в конце 60-х и (с перерывами) не угасает до сих пор.

Как отмечают издатели, характерная черта "Лезвия бритвы" - "невероятная насыщенность научными материалами". Главная черта этого "научного материала" - лысенковщина. По мнению Ефремова, красота - это инстинктивно воспринимаемая целесообразность, "закреплённая в наследственной, подсознательной памяти поколений". В типично лысенковском духе считается понятным, что такое "наследственная память поколений". Вопрос о её механизме не возникает у героев Ефремова. Как не вспомнить знаменитую реплику на памятной сессии ВАСХНИЛ: "Механизмов нет!". Антинаучность и реакционность лысенковщины в доказательствах не нуждается. Но нам сейчас важно другое: лысенковщина была половодьем обывательщины, дорвавшейся до власти. В этой струе и следует Ефремов. Не забудем, что роман вышел в 1963 г., то есть до ликвидации лысенковщины. Но падение шарлатана никак не отразилось ни на романе, ни на его популярности, ни, как мы только что видели, на оценке его издателями (том собрания сочинений издан в 1975).

Перечислять неоднократные научные ошибки в романе (вроде того, что джайнизм есть ветвь индуизма) было бы излишне. Отметим другое - пропаганду ЛСД. Это уж вовсе невероятно! Герои романа вводят "испытуемому" ЛСД-25, и в его сознании просыпается "память предков". Конечно, Ефремов не пропагандирует наркоманию - он просто хватается за модную обывательщину - в те годы ЛСД-25 была новостью, а у нас вовсе неизвестна.

Не обошлось и без расизма. Сима объясняет Гирину "как можно всегда отличить русскую

женщину хорошей породы, если сказать по-научному - чистой линии". Скотоводческая терминология в приложении к человеку - это явственный признак расизма. Сказав свою поэтическую фразу, Сима вытянула вперёд загорелую ногу... Гирин поглядел с восхищением, но девушка поморщилась. По мнению Ефремова, Гирин в этот момент должен был подумать не о том, о чём думает нормальный человек, а о породистости своей собеседницы... Полностью посвящён исторической теме последний роман Ефремова "Таис Афинская". Авторское введение к роману настраивает читателя на строгую научность и достоверность (разумеется, в тех рамках, что возможны в романе). Автор уверяет, что допущено лишь "единственное нарушение хронологии" относительно даты создания Венеры Милосской. Из этого и будем исходить.

Художественный метод, применённый Ефремовым, не нов: в отдалённую эпоху ставится человек, значительно её превосходящий, близкий по воззрениям нам, читателям. В спорах и конфликтах с остальными героями выявляется его превосходство над ними. Некогда этот приём был довольно плодотворным, но к нашему времени выродился, перейдя в бульварную литературу. Пример - Жозеф де Пейрак в пресловутой "Анжелике". Нельзя доказывать правоту каких-либо идей, заранее положив в основу их превосходство. Это игра в поддавки. У Ефремова эта игра перешла все пределы. Самый яркий пример: жрец рассказывает Таис о Библии, различая в ней Яхвиста и Элохиста и даже употребляя эти термины современной науки. Ясно, что таким способом можно доказать всё, что угодно, но разве это исторический роман, да и вообще - роман ли?

Вопреки уверениям автора, книга пестрит анахронизмами и просто историческими ошибками, причём никак художественно не оправданными - большей частью это абстрактные "исторические сведения", попутно сообщаемые читателю. Так, мы узнаём, что "за двенадцать веков до Таис родился миф о Самсоне, ослеплённом богатыре, прикованном к мельнице и осуждённом вечно вращать её колесо". Что за странная датировка - XVI век до н.э.? Даже религиозные авторы, считавшие каждое слово Библии за истину, не отодвигали Самсона в такую древность. Но Ефремов просто не понимает Библию: "вечно вращать" в отношении к Самсону - это абсурд, в Ветхом Завете "вечность" вообще отсутствует. Как можно было принять Самсона за Сизифа? Коль мы взялись за Библию, то продолжим. Ефремов пишет, что евреи считают шесть тысяч лет от сотворения мира. Даже к нашим дням по еврейскому календарю не прошло ещё шесть тысяч лет! Такова обещанная хронология!

Каббалистическую терминологию средневековья Ефремов с лёгкостью переносит во времена древних греков. Таис говорит, что у еврейских мудрецов "Сефирот-Разум, иначе Сердце-Бина - женское начало, мудрость или Хокма мужское". Вы можете понять этот набор слов? Вчитайтесь, и вы не поймёте, что такое Бина. Любопытно, что в конце книги жрец объясняет всё это снова, и кому же? Всё той же Таис! Ефремов не понимает ни термина "Сефира" (который, как родовое понятие объединяет и Бина, и Хокма), ни других. Мы читаем: "Девушки Кадешим священны...". Еврейское слово "кадешим" никогда не обозначало каких-то "девушек"! Но и этого мало. Мы узнаём, что Пифагор "предался игре чисел и знаков под влиянием мудрецов Ур-Салима", то есть Иерусалима. Неловко как-то объяснять, что было наоборот, что средневековая мистика чисел (в том числе и каббалистика) именно следовала за пифагорейцами.

И, наконец, самое невероятное: всем известный царь Соломон почему-то стал "комагенским царём". Тут остаётся лишь развести руками. Неужели Ефремов не знает, что такое Коммагена и где она находилась?

Но нет, есть вещи ещё более удивительные. Коня, которого Птолемей дарит Таис, зовут "Боанергос" (Дитя Грома). На каком это языке? Читатель, вероятно, думает, что по-гречески. Ничего подобного! Слово это заимствовано из Евангелия! Евангелист Марк пишет, что двух апостолов - Иакова Зеведеева и Иоанна, брата его, Христос нарёк "Боанергес, то есть "сыны громовы"" (Мк. 3:17). Обратите внимание: перевод дан в самом греческом оригинале, так что слово это грекам не было понятно. Оно представляет собой, вероятно, искажение еврейского "бней регеш" - "сыны шума, грохота". Причём тут Птолемей и конь - остаётся загадкой.

На пути из Египта в Месопотамию Таис, естественно, проезжает Палестину. На её пути - "Армагеддон, один из колесничных городов древнего царя Соломона". Птолемей рассказывает Таис о "древнем пророчестве еврейских мудрецов", то есть пересказывает христианский (!) апокалиптический миф, возникший четыреста лет спустя! Но самое странное - это уверенность

Ефремова, что существует город Армагеддон. Современные исследователи в самом деле связывают это мифическое название с городом Мегиддо, где в XX веке были найдены остатки древних конюшен. Есть предположение, что это конюшни царя Соломона, но это лишь гипотеза, известный археолог И. Ядин, например, её отрицает. Зачем же современные научные споры сужать Птолемею Лагу? Но и это не всё. Таис соединяет в уме "еврейское пророчество с индийским пророчеством о дате этой битвы". В результате она определила, что битва у Армагеддона произойдёт "через двадцать три с половиной века после года её рождения". Но если дата уже была дана, то всё умственное усилие Таис сводилось к операции вычитания двух чисел. Но это в шутку. Ефремов ещё раз напоминает о своём убеждении в неизбежности мировой войны в конце XX века.

Подобные "ошибки" встречаются не только в отношении к библейской истории. Ефремов сообщает нам в подстрочном примечании (!), что Исократ это "эллинский полководец, мечтавший о реванше персам". С каких это пор оратор и публицист Исократ стал полководцем? Герои романа видят жертвенник Антэросу, хотя эта абстракция (!) относится к позднеэллинистическому времени. Священных быков египтяне хоронят в "Серапейоне" - очевидно, Ефремов не знает, что культ Сераписа возник только при Птолемеях. Я думаю, достаточно - столько ляпсусов и анахронизмов после торжественного заверения в строгой научности и объективности!

А теперь - об идеях, хотя какие идеи могут быть на таком фоне? Ефремов считает, что время Александра Македонского - это перелом истории от национализма к первым проявлениям общечеловеческой морали. В такой трактовке Ефремов неоригинален, однако он скрывает от читателя, что историки подвергли эту идею резкой критике. Впрочем, ни роман, ни эта статья - не место для дискуссий на эту тему. В конце концов, каждый сам выбирает близкие ему идеи: Ефремов считает, что "завоеватель мира" был носителем общечеловеческой морали...

Одна из характернейших черт книги - превознесение "тайных знаний древних" (мы уже говорили об этом в отношении к "Лезвию бритвы"). Из "Таис" мы можем узнать, что древние греки знали о "тёмных звёздах", о множестве обитаемых миров, фазах Венеры, что у вавилонян был телескоп, и они открыли спутники Юпитера и планету Уран, что индийцы умели прививать оспу и т.д. Критиковать это нет необходимости.

Подобно всем тем, кто верит в миф о "тайных знаниях древних", Ефремов склоняется к оккультизму. Он сам пишет, что только оккультисты прежде понимали страшную суть наименования "инферно", так что именно оккультизм он называет предшественником своей "теории Эрфа Рома" (правда, у него оккультисты существовали прежде Данте, но нас и это не удивит). В "Таис" огромное место занимает описание тайных мистических обрядов, посвящение в которые рассматривается как великая честь. Подлинную суть этой тёмной стороны античности Ефремов полностью игнорирует.

Делосский философ говорит Таис: "у нас нет морали... но есть другие народы". Мысль хороша, но если она справедлива, то откуда Таис знает, что такое мораль, ведь собеседник этого не объясняет? Так кто же создал мораль: стоики и Зенон или эти самые народы? Разумеется, не обошлось без лысенковщины и открытого презрения к целым народам (не забудем, что роман появился в 70-е годы!). От матери-критянки Таис унаследовала умение превосходно плавать: "в ней возродились её предки". Да ведь мы уже читали это в "Туманности Андромеды"! А такой пассаж: "В малых народах жизнь людей неверна и быстротечна (?), нет ничего постоянного, и не успевает установиться прочная вера и философия. - Я прибавлю к этому сходство с обезьянами, - сказал старший жрец". Голос знаком - мы уже слышали от Ефремова, что китайцы похожи на обезьян, но китайцев вряд ли можно отнести к "малым народам" (но я, кажется, сбиваюсь на критику, а критиковать ТАКОЕ нельзя). Мы можем узнать от Ефремова, что евреи - "мудрый народ", а на следующей странице узнать, что у них - "нелепая вера". Речь идёт не о противоречиях, важен сам подход: "мудрый народ", "нелепая вера", "великолепный народ". И уж, конечно, Таис отличается "чистотой происхождения по обеим линиям - отца и матери". Ефремов верен себе.

Популярность книг Ефремова - это явление из известного ряда массовой культуры. В массовом, обывательском сознании никогда не исчезают ни национализм, ни лысенковщина (миф о "кобыле

Мортон"), ни тяга к "древним тайнам", ни псевдоинтеллектуализм. Отметим последнее. В предисловии к "Таис" автор писал, что чтение его книги может быть затруднительным из-за обилия терминов и греческих слов. Ничего подобного! Всё это составляло только видимость умственной работы, как и "догадки", что "Тёмные Века" есть средние века, что "Ур-Салим" - это Иерусалим, а "Сокол Русский" - это Андрей Соколов. Игра в поддавки с читателем - вот секрет популярности "Таис" и "Лезвия бритвы". Ефремов сам выбрал эту прискорбную социальную позицию.